

ДВЕ ПОПЫТКИ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ПЕРЕУСТРОЙСТВА РОССИИ

Наталья Дмитриевна БУТЕНИНА, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Уссурийского государственного педагогического института. Специалист по историографии гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке, истории средневековой культуры. Автор более 20 статей.

Николай Аркадьевич БУТЕНИН, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Уссурийского государственного педагогического института. Специалист по истории гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке. Автор около 30 публикаций.

*И не одно сравнение, быть может,
Минуя внуков, к правнукам уйдет...*

О. Мандельштам

В XX столетии Россия дважды начинала демократическое строительство, отказываясь от предшествующих авторитарных режимов. В первом случае демократический эксперимент потерпел неудачу и был свернут, во втором (мы являемся его свидетелями и участниками) — результаты демократических перемен не соответствуют надеждам, которые присутствовали в обществе в конце 80-х — начале 90-х годов XX в. И хотя этап демократического строительства далеко не исчерпан, целый ряд тревожных факторов внушает опасения за его конечный результат. В чем причины драматической судьбы российской демократии, насколько не случайно подобное повторение событий,

есть ли в природе российского общества общие составляющие, препятствующие ее успеху?

Авторы осведомлены об опасностях механического сопоставления внешне подобных, но хронологически удаленных явлений. Они считают неприемлемой презентистскую модернизацию исторического процесса в каком-либо виде. Тем не менее попытка сравнительного анализа в этом случае кажется уместной и целесообразной. Хронологические рамки работы ограничивают время первого демократического эксперимента 1917—1918 гг., второго — рубежом XX—XXI вв. Территориально Дальний Восток необычайно интересен как объект сравнения. В первом случае демократические институты сохранялись здесь в течение большего, чем в целом по России, времени. Во втором случае демократическое строительство принимало причудливые формы (с десятком попыток формирования Владивостокской городской думы и т. д.), что поневоле привлекает внимание исследователей. Авторы сознательно отказываются от каких-либо обращений к опыту Дальневосточной республики 1920—1922 гг., считая это искусственное образование негодным для получения полноценной картины.

За столетие в России была осуществлена масштабная реконструкция хозяйства, радикально изменившая облик страны. Вместе с тем именно в этом экономическом состоянии кроются многие причины трудностей демократического строительства. К 1917 г. после трехлетней войны все экономические показатели России оставляли желать лучшего, жизненный уровень населения существенно упал, разрушалась финансовая основа. Исследования Л.Н. Долгова показали, что на Дальнем Востоке, как и во всей России, к началу 1917 г. сформировалась устойчивая картина кризисного состояния экономики. Более того, 1917 год с его митинговой стихией, завышенными ожиданиями различных слоев общества лишь усугублял бедственное положение жителей Дальнего Востока¹.

Социально-экономическая картина к концу XX в. при всем ее отличии повторяет начало века. Нарастающий дефицит товаров и продуктов, последовательное разрушение финансовой системы и резкий взлет цен оставляют значительную часть населения страны за чертой бедности. Тем не менее в этих условиях и осуществляется демократический эксперимент. Эйфория ожиданий сменяется унылой констатацией реальных результатов. Естественно, демократические институты не являются производителями материальных благ, но логика общественного сознания неизбежно делает вывод — «после того, значит вследствие того». Таким образом, общественная значимость демократии снижается, различные группы общества начинают искать иную модель политического устройства.

В начале XX в. в России растет и крепнет либеральное движение, которое в 1905 г. оформилось главным образом в рамках кадетской партии. Возглавляемая интеллигенцией, эта партия была главной носительницей либеральных ожиданий демократических перемен в жизни страны. Радикальное движение, представленное социал-демократами и эсерами, в своих программах также использовало демократические лозунги, хотя по избранным этим партиям средствам борьбы, конечным целям назвать их последовательными демократами нельзя. Однако логика русской революции весьма парадоксальным образом сделала вчерашних экстремистов и даже террористов главными поборниками демократических реформ. Именно эсеры и меньшевики становились ведущей силой во всех формировавшихся демократи-

ческих институтах России и в том числе Дальнего Востока. Из семи депутатов Учредительного собрания, представлявших Дальний Восток, шесть являлись эсерами (один из депутатов, беспартийный М.С. Мандриков впоследствии сблизился с большевиками)². Эсеры и меньшевики безоговорочно лидировали на выборах в местные органы самоуправления, возглавляя земские управы Амурской и Приморской областей, городские думы и др. Между тем трансформация России из монархии в республику, оказалась далеко не безболезненной.

Дальневосточная окраина в начале XX в. политически была одним из отсталых регионов России. Здесь не сложилось, как в Центральной России, земское движение, партийные организации всех направлений были немногочисленны, не имели значительного опыта, сколько-нибудь ярких лидеров³. Даже идеи сибирского областничества, популярные в начале века в Западной Сибири, были мало известны. Революционная волна 1917—1918 гг. выдвигала в качестве демократических лидеров политически малоопытных людей, вместе с тем достаточно амбициозных, чтобы исключить или затруднить взаимное сотрудничество. Амурские демократические лидеры, как отмечал современник и участник событий А.К. Краснощеков, весьма скептически оценивали своих приморских коллег⁴, а все вместе не слишком активно сотрудничали с лидерами сибирской демократии (попытки Временного правительства Автономной Сибири закрепиться в Приморье не имели успеха, хотя причины этого определялись не только реакцией местных демократических кругов).

В России конца XX в. демократические традиции сохранялись и развивались внутри движения диссидентов (известно, что не все диссиденты ориентировались на западные модели демократии). Однако начавшаяся в 80-е годы «революция сверху» привела к любопытным результатам. Во главе демократических преобразований оказались вчерашние партийно-комсомольские аппаратчики, еще недавно совершенно далекие от подобных идей. Более того, немногочисленные «демократы первой волны» довольно быстро были оттеснены от всякого влияния на демократический процесс. На смену им выдвигались хозяйственные работники старой формации, а нередко и полукриминальные элементы. Стоит заметить, что на Дальнем Востоке в конце прошлого века движение диссидентов практически отсутствовало и демократические лидеры в основном представляли хозяйственную и политическую элиту советского периода. Таким образом, как в первом, так и во втором случаях демократическое строительство осуществлялось большей частью случайными, малоподготовленными для этого людьми, нередко с весьма неоднозначной репутацией.

В странах с устойчивой демократической системой политические выборы являются предметом соперничества двух-трех политических партий, редко несколько больше. В России и в начале XX в., и в конце его ситуация выглядит совершенно иначе — в выборах участвуют десятки политических партий и избирательных блоков. В этот период сложились крупные политические партии, как будто представляющие интересы всех общественных сил и слоев, в 1917 г. таких партий насчитывалось до 70, что, даже с учетом сложного многонационального состава населения, было явно излишне. Причем на выборах в Учредительное собрание осенью 1917 г. появились и вовсе экзотические образования — «Лига равноправия женщин» «Женский союз помощи Родине» «Социалисты-универсалеры» (при длинном списке других социалистов) и др. Как тут не вспомнить печально известную «Партию любителей

пива» и другие подобные образования, появившиеся в наши дни. Избирательные блоки, создаваемые в начале века, состояли из многих десятков совершенно ничтожных групп — на летних выборах 1918 г. во Владивостокскую городскую думу «Демократический блок» насчитывал 47 организаций, включая «Союз фронтовиков», «Союз административных служащих военно-морского ведомства» и даже «Союз иглы» (представлял портных города)⁵. Таким образом, ничтожные по своему влиянию партии-однодневки, с которыми столкнулась Россия на современном этапе, не являются чем-то уникальным в истории страны. За подобной ситуацией стояли и стоят мелкие политические амбиции, неопределенность программных установок, и в конечном счете, отсутствие политической культуры, избирательных традиций. Стоит, однако, подчеркнуть, что во всех случаях результаты политических выборов оставляли партии-однодневки без избирательных мандатов. Вместе с тем подобная ситуация не только отражала реальную разобщенность общества, но и усиливала ее. В этой связи предпринятые сегодня шаги по реорганизации политической системы (Закон о партиях и т. д.) представляются вполне своевременными.

Начало демократического строительства в России в начале и в конце XX в. выглядит примерно одинаковым. Наблюдается громадное политическое оживление — «мартовские гулянья» 1917 г., митинговые страсти и т. д. и многотысячные демонстрации и митинги конца 80-х — начала 90-х годов. Однако очень скоро, после того как страсти утихали, политическая активность заметно снижалась. Избирательный процесс в России сталкивался с совершенно новым фактором — абсентеизмом. Уже осенние выборы в Учредительное собрание в 1917 г. показали участие около 50% избирателей. Существуют разные оценки историков (Л.М. Спиринов, О.Н. Знаменский и др.), но колебания остаются в пределах названной цифры⁶.

Прошедшие летом 1917 г. на Дальнем Востоке выборы в местные органы самоуправления дали аналогичную картину. Стоит напомнить, что это были первые свободные выборы в истории России, и от них как будто бы зависела судьба страны. Последующие выборы показали такую картину: летом 1918 г., после свержения советской власти и начала открытого иностранного вмешательства, во Владивостоке состоялись выборы в городскую думу, которые дали существенный рост политической активности — около 60%⁷. Неожиданную победу одержал список Центрального бюро профсоюзов, за которым стояли большевики. Совершенно очевидно, что активность избирателей и поддержка большевиков носили «протестный» характер, после их кассирования по формальным причинам на выборах спустя три месяца активность упала до 30%. Еще более удручающие цифры — около 20% — дали перевыборы в городскую думу Никольска-Уссурийского летом 1919 г.

Протест против иностранного вмешательства, определившийся на летних выборах 1918 г. во Владивостоке, заслуживает, на наш взгляд, отдельного разговора. «Демократическая контрреволюция» (самый термин кажется авторам неточным, но мы оставим его в силу историографической традиции), летом 1918 г., активно противостоявшая большевистскому правительству, в военном отношении многое выиграла от поддержки чехословацкого корпуса (материальной и дипломатической) помощи Антанты. Но политически все антибольшевистские силы, не исключая и демократических, многое проиграли. Патриотическая инициатива была упущена, и в дальнейшем с успехом использовалась большевиками (в силу партийной доктрины —

антигосударственниками и сторонниками мировой революции). Это дало возможность выходцу из Бессарабии С.Г. Лазо в начале 1920 г. произнести свою знаменитую фразу: «Вот за эту русскую землю мы умрем... но не отдадим ее никому»⁸.

Но вернемся в конец века двадцатого. Прозападная позиция президента Б.Н. Ельцина и его окружения едва не сорвала его повторные выборы на пост президента в 1996 г. Напротив, умелая патриотическая риторика экс-губернатора Е.И. Наздратенко во многом определила его успешную политическую карьеру в течение 10 лет. Впрочем, политики местного уровня сегодня избегают международных тем.

Однако вернемся к абсентеистским настроениям. Вот как выглядит статистика активности избирателей на выборах приморского губернатора: 1995 г. — 59,57%, 1999 — 50,72%, 2001 (первый тур) — 42,35%, (второй тур) — 36%. Выборы в Приморскую краевую думу: 1997 г. — 37%, 2001 г. — с первой попытки удалось избрать полтора десятка депутатов, в остальных округах 25-процентный барьер явки избирателей преодолеть не удалось⁹. Еще более удручающе выглядит статистика выборов в местные представительные органы, где очень скоро вполне может быть реализована горькая шутка о выборе депутата «друзьями и родственниками». Думается, что падение политической активности еще не достигло своей низшей отметки.

Особняком в современной России стоят выборы исполнительной власти. В силу устоявшихся традиций и российского менталитета эти выборы всегда общественно более значимы, хотя губернаторские выборы тоже свидетельствуют о нарастании абсентеизма. В этой связи едва ли можно признать удачной замену прямых выборов главы администрации выборами его представительными органами (такая замена произведена, например, в Уссурийске). Дело, конечно, не в личных качествах мэра или в сомнениях по поводу законности подобных решений. Такая трактовка демократической процедуры, в принципе вполне уместная, противоречит национальным традициям о месте и роли «первого лица», а тем самым объективно снижает степень доверия избирателей к демократической процедуре.

Падению политической активности способствуют многие факторы, которые хорошо изучены на общероссийском уровне. Хочется лишь напомнить, что «грязные политтехнологии», особенно ярко проявившие себя при многократных попытках формирования Владивостокской городской думы, являются фактором, не носящим объективного характера. Игнорирование воли избирателей как в 1918 г., так и в конце XX в., неизбежно вело к нарастанию абсентеистских настроений.

Программным лозунгом всех демократических сил является утверждение законности и правосудия. Вместе с тем практика современной России давно накопила обширный материал, свидетельствующий о нарастании в стране коррупции, росте преступности всех уровней, неспособности правоохранительных органов достойным образом защищать интересы граждан. Думается, что в рамках статьи нет необходимости обращения к конкретным материалам. К сожалению, и опыт строительства демократии в начале XX в. давал не лучшие результаты. Формально взявшая на себя ответственность на территории Приморской области демократическая власть летом 1918 г. не остановила беззакония и террор калмыковцев, политическое убийство Константина Суханова, рост уголовных преступлений. Ярким образчиком изъянов демократического режима стал начальник уссурийской милиции

Х. Галенбек, в 1919 г. снятый с этой должности за связь с контрабандистами-хунхузами и торговцами наркотиками¹⁰. В зоне ответственности Амурского демократического правительства отмечены массовые порки населения и другие физические насилия, а в Благовещенской тюрьме среди многочисленных арестантов оказались подростки и даже ребенок 7 лет¹¹.

Нет ни малейших сомнений, что бессилие власти и коррупция, нарушение законности, в том числе злоупотребления юридической процедурой в процессе демократического выбора, подрывали и подрывают доверие электората не только к конкретным политикам, но и к самой демократической процедуре.

Не реализовав демократическую альтернативу в 1917—1918 гг., современная Россия вступила в сходную фазу исторического развития, во многом повторяя допущенные тогда ошибки. В конечном счете в начале XX в. демократия в России (включая и Дальний Восток) оказалась невостребованной, что привело к трагедиям гражданской войны и формированию тоталитарной системы. К сожалению, есть сомнения в востребованности демократии и в настоящее время. Любопытны статистические выкладки, появившиеся в СМИ в связи с 50-летием смерти И.В. Сталина, когда более 50% респондентов в ходе социологических опросов отдали голоса в пользу этого государственного деятеля. Вряд ли заявленные в опросах мнения адекватно учитывают личность вождя тоталитарной системы и особенности его режима. Однако бесспорно то, что значительная часть российского электората сегодня сомневается в эффективности демократической системы, вновь, как и в годы гражданской войны, отдавая предпочтение «сильной власти». На наш взгляд, несмотря на все изъяны демократии, именно она могла стать в начале XX в. единственной возможностью сохранения хрупкого национального согласия. В этом качестве демократия остается единственной государственной основой вывода России из кризисного состояния, в котором она оказалась после событий XX в.

¹ См.: Долгов Л.Н. Экономическая политика гражданской войны: опыт Дальнего Востока России. Комсомольск-на-Амуре, 1996.

² См.: Шагин Э.М. Октябрьская революция в деревне восточных окраин России. М., 1974.

³ См.: Авдошкина О.В. Деятельность местных отделений общероссийских политических партий на Дальнем Востоке России (март 1917 — ноябрь 1922 гг.): Автореф. канд. дис. Хабаровск, 2000; Ципкин Ю.Н. Небольшевистские альтернативы развития Дальнего Востока России в период гражданской войны (1917—1922 гг.). Хабаровск, 2002; См.: Бутенин Н.А. К истории «демократической» контрреволюции на Дальнем Востоке в 1917 г. // Великий Октябрь и непролетарские партии. М., 1982; Он же. Демократическая оппозиция режиму Колчака на Дальнем Востоке // Проблемы отечественной и всеобщей истории: Сб. науч. трудов. Уссурийск, 1996 и др.

⁴ РГИА ДВ. Ф. Р-919. Оп. 1. Д. 6. Л. 11.

⁵ Рабочий и крестьянин. 1918. 28 июля.

⁶ См.: Знаменский О.Н. Всероссийское Учредительное собрание. Л., 1976. С. 294; Спирин Л.Н. Классы и партии в гражданской войне в России (1917—1920 гг.). М., 1968. С. 58.

⁷ Далекая окраина. 1918. 1 авг.

⁸ Сергей Лазо. Воспоминания и документы. М., 1938. С. 187.

⁹ WWW.primorsky.ru./prim/vibori/

¹⁰ РГИАДВ. Ф-955. Оп. 2. Д. 5. Лл. 9—10.

¹¹ РГИАДВ. Ф-1032. Оп. 1. Д. 14. Лл. 1—48.

SUMMARY: The authors of the article «Two Attempts of Democratic Reforming of Russia» — Natalya and Nikolay Buteniny study tendencies in the development of democratic processes in the Far East at the early and the late 20th century. The analysis of elections in the organs of State power and self-government is given as an example of it.